

Аннели Кывамеэс (Таллин)
Фрагменты эстонской военной прозы:
2-я Мировая война
и русские во II-й пол. 1940-х годов

При изучении изображения русских персонажей в эстонской литературе бросается в глаза, что в основном они появляются в произведениях военной тематики, будь то война Ливонская (напр.: Эдуард Борнхэ. «Князь Габриэль, или Последние дни монастыря Святой Бригиты», 1893; Энн Киппель. «Во времена великого плача», 1936), Северная (Э. Киппель. «Когда пришел Железнодорожный», 1937) или 2-я мировая война. Ниже я намерена сосредоточиться на появившихся во II-й пол. 1940-х годов прозаических произведениях о 2-й мировой войне, более подробно остановлюсь на изображении русских в романе Арведа Вийрлайда «Бурный год» (1949), сборнике рассказов Аугуста Якобсона «Горячий день» (1949), в сборниках Эдуарда Мянника «Испытание сердец» (1946), «Пятнадцать шагов» (1947) и «Борьба продолжается» (1950)¹. Цель статьи — исследовать, как изображались русские персонажи, какова их роль, как они функционируют в произведениях, являются ли главными или второстепенными персонажами и т. д.

В 1940-х годах эстонская литература разделилась надвое: на литературу советской Эстонии и эстонскую зарубежную (или эмигрантскую), причем у каждой была своя, тотально отличная от другой роль. В советской Эстонии во II-й пол. 1940-х годов, называемых также «периодом классического сталинизма» (Vahtre 2001: 384), литература была идеологическим оружием, воспитывала народ в духе советской идеологии. В эстонском зарубежье на первый план выдвинулся национальный вопрос: «Писатель

© Anneli Kõvamees, 2010

© TSQ 34. Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

Статья подготовлена в рамках проекта базового финансирования науки SF0130126s08 «Эстонский текст в русской культуре. Русский текст в эстонской культуре».

¹ Рассматриваются произведения, изданные во II-й пол. 1940-х годов.

стал, прежде всего, носителем национальной идентичности, хранителем эстонского начала, оставшегося без собственной государственности» (Annus 2001: 387). Русская/советская тема выдвинулась на передний план ввиду историко-политических событий в зарубежной Эстонии меньше, — на эстонском советском литературном ландшафте, где происходит мощная переделка и переоценка литературы, значительно больше. Ярким примером устремлений этой эпохи стала скульптура Олава Мянни: «Князь Вячко и эстонский старейшина Меэлис» (1950), изображенные во время совместной обороны Тарту, — она символизировала общую борьбу эстонцев и русских, трактуя историю с советской точки зрения.

Хотя русская тематика актуализируется, в прозе удельный вес русских персонажей не так велик, в качестве главных героев в подавляющем большинстве выступают эстонцы, русские же играют побочные или эпизодические роли. Их характеризуют и представляют персонажи-эстонцы, у русских нет права на функцию героя-рассказчика, за исключением нескольких эпизодов. Упор сделан на внешнее наблюдение, на происходящее внутри внимание обращается редко, русские персонажи по большей части характеризуются через внешность и поступки.

В изображении русских у эстонских авторов четко прочитывается идеологический фон, особенно в советской литературе, где важное место занимает момент агитации и пропаганды. Здесь исходной точкой становится тезис о том, что борьба шла с фашистами и эстонцы и русские сообща воевали за освобождение страны. Острие десятилетия направлено против фашизма, представляющего силы тьмы. Ему противостоят представители светлой силы — советская сторона: «<...> моральным, т. е. исторически верным оказалось все то, что связывалось с русскими племенами, что пришло от русских и с русских земель или было направлено на сотрудничество с ними» (Undusk 2000: 50). Исходя из тезиса совместной борьбы зачастую не подчеркивается, что речь идет о русских персонажах — нет национальных границ, есть единый советский народ, у которого единый противник — немецкий фашизм, отличия кроются, прежде всего, в идеологии, а не в национальности: «<...> нет враждующих между собой русских и немцев, а только коммунисты и фашисты, люди ушибленные идеей света и тьмы» (Undusk 2000: 108).

Если прозу советской Эстонии пронизывает убеждение, что страну освободили от фашистов (причем фашисты это, прежде всего, немцы, а также их подручные из числа эстонцев) совместными усилиями, то эмигрантскую прозу наполняет мысль, что русские оборвали прежнюю жизнь эстонцев. Важнейшее место занимает не просто идеология, но идеология, самым тесным образом переплетенная с национальностью: русские приравнены к коммунистам. К национальному ощущению примыкает социальное: вместо ранее встречавшегося в эстонской литературе русского типа — офицера или дворянки — теперь преобладает русский коммунист, он может быть и мужчиной, и женщиной. И в советской, и в эмигрантской эстонской прозе речь идет по большей части о военных или персонажах, связанных с воинской деятельностью (в советской прозе это, напр., сестры, врачи, санитары и др.). Так, в романе Вийрлайда «Бурный год» все русские персонажи — военные. Главным образом изображаются мужчины, но есть и персонажи-женщины, они тоже солдаты, — обстоятельство, вызывающее у эстонских персонажей огромное удивление и потрясение (напр., представление о женщинах у Вахура Таммерика, прозванного Голиафом и Калевипоэгом, тотально отличается от увиденного: «Женщина — это для него что-то нежное, благородное. Как вообразить их в траншеях посреди грубости, разорванными снарядами. Дрожь сотрясала его. Господь создал женщину для чего-то иного. Дом, розовые ребятишки, скворчащая плита — вот мир женщины, где она суетилась в белом переднике или вечернем туалете. Достаточно, если она спешила перевязать раненых или помогала мужчинам во время войны на заводах, но идти с животным воплем под грохот оружия в контратаку, нет, это слишком! Этот дьявольский режим использовал женщин и детей для покорения мира, воспитывал их систематичными животными» — Viirlaid 1949: 69). Если оставить в стороне феминистскую точку зрения и стереотипные образы, эта картинка подчеркивает грубость режима, топорность и пошлость русских солдат, качества, от которых не остались в стороне и женщины: раздев догола и наслаждаясь атлетическими мускулами этого самого Вахура Таммерика, попавшего в плен к русским, они привязывают его к двум едущим в противоположных направлениях автомобилям и разрывают.

В эмигрантской прозе русские персонажи играют отрицательные роли, в основном изображается их вторжение в дома эстонцев, описывается их разрушительная, губительная деятельность, пытки, типичная, повторяющаяся с некоторыми вариациями картина: «<...> окно разбили в щепки прикладом винтовки. Кто-то со смехом влез в него, кто-то с грохотом бросал в него книги и стулья. Под большой березой распаковывали свертки с одеждой, выбили дверь в амбар, со стола в саду с издевкой швырнули под ноги разрезанное полосами белье <...> весь хутор поставили с ног на голову. С мерзким смехом и причмокиванием чужое солдате грязными руками хватало хозяйскую дочь за руки, за юбку» (Viirlaid 1949: 77—78).

Напротив, в прозе советской Эстонии русские персонажи совершают действия с положительными коннотациями, акцент здесь поставлен на героической борьбе за родину. Вместо разрушающего и орущего русского здесь появляется позитивный герой (напр., красноармеец Нелидов в «Пятнадцати шагах» Мянника, который, берясь за опасное для жизни задание, позволяющее овладеть вражеской опорной точкой, сознательно идет на смерть). Героизм, возвышенная борьба — вот идеал этих персонажей. Они борются до последней возможности и вдоха (как, напр., в рассказе Мянника «Ротный политрук», где заглавный герой тяжело ранен, но не позволяет санитарам унести себя прежде, чем не убеждается в успехе своих бойцов, — см. Männik 1950: 184—185).

При этом героями считаются и те, кто находится на фронте, и те, кто работает на благо Советского Союза в тылу². Например, врач Аркадий Петрович в повести Мянника «Моя палата»: «Он для них боец, человек с передовой. Они смотрят на него с таким же почтением, как мы смотрели на наших передовых линиях на пулеметчиков, связистов, солдат противотанковых дивизионов, не гнувшихся ни перед какими вражескими атаками» (Männik 1946: 213—214); в той же повести есть героиня, сестра Анна, ценой своей красоты и здоровья спасающая раненых из охваченной ог-

---

² Русские персонажи оказывают сопротивление и внушают героизм даже в самых трудных и безнадежных обстоятельствах, — напр., в романе Освальда Тооминга «В годы коричневой чумы» (1950) именно русские персонажи побуждают ноющих в тюрьме эстонцев к сопротивлению, к организации, считая важным не допустить упадка настроения, даже на смерть идут с именем Сталина на устах (см. Tooming 1950: 269).

нем палаты; врач Марина Ивановна в повести Мянника «Сражается рука об руку», которая заботится о крестьянах и посылает на фронт письма и посылки. Персонажи с советской стороны положительные и в поступках, и внешне: женщины с нежными глазами, нежными руками, но при необходимости они воюют наравне с мужчинами и они благопристойны — когда в «Невельском шоссе» Мянника главный герой Эндель Сооранд пытается поцеловать едущую в его машине девушку, та отталкивает его. Сооранд «улыбнулся про себя, все это было прекрасно, ему даже понравился этот удар кулаком по шубе и глухо прозвучавший упрек» (Männik 1946: 150).

Есть лишь единичные отклонения от облика положительного героя: в том же «Невельском шоссе», где один из водителей, Макаров, переживает временный кризис, вызванный нехваткой продовольствия, объявляет о нежелании бороться дальше, но при виде доброжелательности соратников исправляется в самое короткое время, раскаивается и обещает стать передовиком. В качестве примера более сложного героя можно назвать Володьку-скандалиста из «Моей палаты» Мянника, который получил прозвище, потому что выкидывает в больнице разные фокусы: выливает кому-нибудь на голову миску супа, посылает котлеты махоркой, засовывает крысу в шкаф и т. д., но и у него есть принципы: он не трогает умирающих, подчиняется сестре — героине рассказа Анне. Володька не просто чудик, хулиган, его поведение обосновано: для человека, который ввиду множественных ранений на полтора года прикован к постели, это способ совладать с обстоятельствами.

* * *

Кроме поступков, в эмигрантской и советской эстонской прозе существенно различается изображение внешности русских: она, как следствие пропагандистской черно-белой модели, негативно изображена в зарубежной прозе и позитивно — в советской.

В уже упомянутом романе Вийрлайда есть целая галерея русских военных, которые далеки от стереотипа галантного русского офицера: военные 1940-х годов «омерзительные, лохматые, узкоглазые и угрюмые, ухмыляющиеся, пялящиеся исподлобья» (Viirlaid 1949: 77), у них грязные руки и «противный резкий запах,

от которого человек терял способность действовать, становился сонным и терял дар речи» (Viirlaid 1949: 78). Обычно русские персонажи безмянные, но есть и один персональный портрет — капитана Маринова, который общается с беспринципным деревенским сапожником Сергеем. (То обстоятельство, что отрицательный персонаж-сапожник наделен русским именем, заслуживает внимания: хотя в произведении он функционирует как эстонец, выясняется, что он незаконорожденный ребенок от русского, т. е. имя персонажа маркирует его русскую сущность.) Маринов не блещет духовными способностями, например, писать для него — серьезное испытание (см. Viirlaid 1949: 86), внутренней одномерности соответствует и внешность персонажа: у него словно вытесанное топором лицо в шрамах оспин, которое (при известии, что дадут водки) расплывается в усмешке, так что «зубы из белесого металла сверкали, а награды на груди позвякивали от удовольствия» (Viirlaid 1949: 84), он «пьет, скрестив грязные голенища сапог, и с неизменным наслаждением причмокивает губами» (Viirlaid 1949: 85).

Одна из характеристик русских персонажей и есть их страсть к водке: когда они врываются в дома, рефреном звучит требование — дайте водки (см., напр., Viirlaid 1949: 84, 160, 166). «Водка» — одно из стереотипных ключевых слов, сопровождающих образ русского. Однако она не вызывает приятной суеты, не делает человека разговорчивым (как это случается с эстонскими персонажами) — русские становятся от нее еще более дикими и грубыми. (О различном влиянии алкоголя на положительных и отрицательных героев в соцреалистических произведениях обратил внимание В. Мярка, — см. Märka 1998: 100. Кроме того, он отметил использование при характеристике персонажей различных алкогольных напитков — водка, пиво, шампанское, коньяк, виски и т. д., — см. Märka 2004: 62-63.) В рассматриваемых произведениях пьют в основном водку, в советской эстонской прозе героини часто пьют чай, но в упомянутых произведениях Вийрлайда русским в конце концов дают бутылку денатурата (см. Viirlaid 1949: 341), что еще более подчеркивает их опущенность и страсть к выпивке.

Изображение русских в прозе советской Эстонии более нюансировано: здесь есть русские с отличной осанкой, высокорослые, ясноглазые (врач в «Моей палате» Мянника или артиллерист Со-

ловьев). Мужчины — сильные, смелые, участливые и скупые на слова, например, капитан Рулин человек не слов, а дела: «Видите, товарищи, наш капитан — человек с большим сердцем. Он не умеет говорить красивые слова, они у него с губ срываются как будто наоборот, но дела его сами за себя говорят» (Männik 1946: 162). Его молчаливость подчеркнута и всей внешностью: «Он носил черный полшубок, испачканный машинным маслом, и зимнюю шапку, как большинство шоферов»; его лицо с глубокими бороздами морщин сразу врезалось в память: «Оно походило на отлитое из глины, которая слишком быстро затвердела и сохлась» (Männik 1946: 159). Так что рядом с бойцами с красивыми чертами лица есть и персонажи с «неотесанной» внешностью, но в данном контексте неотесанность не выступает как негативное качество, она скорее указывает на мужественность персонажа, его целеустремленность и преданность делу. Отрицательное значение скорее может иметь излишний уход за своей внешностью — например, «скукожившиеся» на морозе рабочие руки советских солдат противопоставляются ухоженным рукам немцев.

В то же время суровый внешний облик не означает отсутствия более нежных чувств: так, в «Первой любви» Якобсона эстонский солдат теряет возлюбленную, доставлявшую данные на русскую сторону — немцы вешают ее, — молодой человек приносит ее тело в штаб, далее описывается реакция мужчин: «<...> один молодой русский, хоть и привык уже ко многому <...> не выдерживает и рыдает. И странно, эти суровые мужчины, которые что ни день по меньшей мере десятки раз смотрят в лицо смерти, сегодня превратились прямо-таки в простодушных детей» (Jakobson 1949: 470). В то же время личная жизнь всегда отходит на задний план, если нужно выбирать между борьбой и семьей (см., напр., письмо отца семье в повести Мянника «Привет с севера»).

Особо стоит выделить так называемую «героическую внутреннюю красоту», — например, у упоминавшейся уже сестры Анны из «Моей палаты» Мянника, которая, спасая солдат, изуродовала себе лицо и руки: «Когда я впервые увидел эту рослую, костлявую девушку, в почти на самые глаза натянутой косынке, я чуть было не закрыл глаза. Мне и теперь еще тяжело смотреть на ее лицо и руки, откуда-то изнутри возникает дрожь. Но теперь я глубоко уважаю эту сестру-героиню, одну из многих героинь тяжелых ле-

нинградских дней» (Männik 1946: 213). Уродливая внешняя оболочка не означает внутренней неприглядности, в отличие от их противопоставленности в изображении русских в эмигрантской эстонской прозе.

* * *

В эмигрантской прозе русским свойственна крайняя жестокость, например: «<...> для убийств и уничтожения выбирают самые дикие способы, которые известны роду человеческому. <...> Когда уходили отсюда летом 41-го, убивали украденных у селян лошадей, выкалывая им глаза, перерезая горло, а потом заставляя бежать. Овец обливали керосином и поджигали. Они смеялись, когда охваченные огнем животные бежали в дома, когда огонь выбивался из чердачного окна и предсмертные крики людей и скотины смолкали в шуме пламени. Вот так действовали красные солдаты. Пытаемых связывали колючей проволокой, обесчещенным женщинам отрезали груди. Они действовали с ошеломляющей жестокостью, эти освободители пролетариата. А методы пыток НКВД — это особь статья!» (Viirlaid 1949: 299—300); «Я верю всему, что говорят о русских и что я прежде считал фантазиями» (Viirlaid 1949: 226); «Они насилюют всех женщин, от детей до старух» (Viirlaid 1949: 272).

Описание подобных страшных деяний русских в общих чертах совпадает с изображением русских в эстонских исторических романах 1930-х годов: по сути, проза 1940-х продолжает «русский дискурс» предшествующего десятилетия, — например, в изображающем Ливонскую войну романе Энна Киппеля «Во времена великого плача» (1936). Более мягкие описания грубости и насилий, учиненных русскими можно найти в большинстве произведений зарубежной эстонской литературы 1940-х годов. В советской литературе подобная жестокость — свойство немцев (см. ниже).

Как и в историческом романе 1930-х, русских персонажей в эмигрантской прозе 1940-х характеризует своеобразное представление о культуре: «Странные они люди — несут нам культуру своей страны: клозеты используют для мытья, а ванны как помойку. Старые двери забивают гвоздями, а в стенах прорубают новые ходы напрямую. На потолке делают отметины грязью, а задники

картин используют как корзину для бумаг!» (Viirlaid 1949: 264). Заметки о бесшабашности русских есть и в других произведениях 1940-х годов, — например, в романе Айна Кальмуса «Ночь пришла слишком рано» (1945). И здесь манера изображения русских сходна с историческим романом 1930-х.

Основная оппозиция при изображении русских: цивилизованный — нецивилизованный (см. Leerssen 2006: 26). Конструируется образ дикого, языческого, звериного русского, это «они», явственно противопоставленные «нам», исходящим из христианских и культурных норм. Они варвары (см. также Beller 2007: 266—269). Такой образ опирается на более ранние изображения русских, изменившиеся в Зап. Европе во II-й пол. XIX в.: с этого времени Россию в литературе перестали представлять неотесанные бояре и крепостные, появилась рафинированная императорская придворная жизнь, романы Толстого, Тургенева и Достоевского, элегантная позднеромантическая музыка и балет (Naarden, Leerssen 2007: 228). Но в эстонской литературе актуализировался существовавший до II-й пол. XIX в. дикий, варварский образ русского (тип Ивана Грозного). Исторический контекст выдвинул на передний план образ негативный.

Если в эмигрантской прозе русские персонажи выступали как жестокие и бессердечные варвары, то у авторов советской Эстонии эту роль вполне ожидаемо выполняют немцы, и с аналогичными характеристиками: чудовище со стальным сердцем и человеческим мозгом, детоубийца, насильник, человек без сердца («Шестое наступление» Мянника): «Я видел, как немецкий комендант растоптал двухмесячного младенца. И спокойно пошел дальше, словно и не было на его сапогах человеческой крови» (Männik 1946: 247). Приводятся параллели и с животным миром: так, русские самолеты сравниваются с соколами, а немецкие со стервятниками, лексика с разными коннотациями обеспечивает черно-белое противопоставление и здесь.

Если в эмигрантской прозе продолжилась традиция изображения русских в историческом жанре 1930-х годов, то с некоторой долей условности можно утверждать, что в литературе, появившейся в Эстонии, продолжился стереотипный для эстонской литературы «немецкий» дискурс, к которому советская пропаганда со своей стороны добавила дополнительный нюанс. 1940-е — это

период, когда среди прочего издаются такие сборники, как «Извечная борьба эстонского народа против немецких завоевателей» (1942), «Немецко-фашистская оккупация Эстонии в 1941—1944 годах» (1947), эстонская литература антинемецкого содержания объединена в антологии «Пути мстителя» (1945), где были тексты, начиная с народных песен и кончая Юханом Смуулом. В 1943 г. отмечалось 600-летие восстания Юрьевой ночи, можно сказать, что это было своего рода продолжением вековой борьбы с немцами: «Извечная борьба эстонского народа против немецких завоевателей продолжается в Великую Отечественную войну» (см. Тамм 2003: 65). И в прозе подчеркивался исторический характер борьбы эстонского народа против немцев: если невозможно прямое сопротивление, то следовал призыв к сопротивлению пассивному, как, например, у капитан-лейтенанта Лантратова в рассказе Мянника «На оконечности Пальясааре»: «<...> боритесь против исконного врага своего <курсив мой. — А. К.> народа тайно... бейте его хитростью. Каждая гайка, недоделанная на фабрике... каждый килограмм зерна, спрятанного от немцев в землю... каждая рука, которая не возьмет оружие, чтобы сражаться за них — это борьба за советский строй. До свидания, товарищи!» (Männik 1950: 56).

Заключение

В 1940-х годах продолжился «русский» — исторической прозы 1930-х (в эмигрантской литературе) — и «немецкий» (в литературе советской Эстонии) дискурсы, причем обе стороны порой впадают в преувеличения. Каждая демонизирует свое: эмигрантская проза — русских, проза советская — немцев. Четко выписывается «чужое», которому нужно противопоставить «свое». В литературе эмигрантской это «чужое» — и русские, и немцы; в Эстонии «чужое» — это немецкое начало/фашизм, различия идут не по национальности, а по идеологии. Исходя из этого изображаются и русские персонажи, в обеих литературах главным образом солдаты. Русский солдат в литературе советской Эстонии — это «человек передовых взглядов, коммунист или человек, разделяющий коммунистические убеждения» (Krusten 1979: 42), его цель — освободить свою землю от немецких фашистов. В случае с эстонской прозой можно говорить и о так называемом «условном русском»,

поскольку подчеркивается не национальность персонажей, важнее их мировоззрение: это — единый советский народ. В силу соцреалистических канонов и идеологической направленности эти произведения принципиально представляют собой вариации на заданную тему. Согласно Хассельблату, четкое черно-белое разделение на добро и зло снижает напряжение и усиливает дидактический элемент, сближая эту литературу с произведениями для детей и сказками. В этом смысле соцреалистическая литература легко предсказуема в том, что касается развития сюжета и счастливого конца. Положительный герой тверд духом, оптимистичен и морален (Hasselblatt 2003: 230).

Если в прозе советской Эстонии русские — положительные герои, то в прозе эстонского зарубежья мы имеем дело с негативом этого образа, с персонажами, противоположно заряженными: если в эстонской советской прозе русский положителен до крайности, то здесь он до той же крайности персонаж отрицательный. Отношение к нему выражается и в его поступках, и во внешности. Характерно, что русских персонажей мало, в большинстве своем они присутствуют в произведении на заднем плане. В обеих литературах нет глубокого психологического подхода к русским персонажам, они лишены внутренних противоречий. Это типы, характеризующиеся, как правило, какой-то одной чертой. Роль русских персонажей диаметрально противоположна: эмигрантская проза изображала их врагами, из-за которых Эстония утратила независимость, в противовес советской прозе, где, благодаря сотрудничеству с русскими, Эстония была освобождена.

ЛИТЕРАТУРА

Annus E. 2001. Pagulasproosa 1944–1957: situatsioon ja missioon. — Eesti kirjanduslugu. Tallinn: Koolibri. Lk. 387–392.

Beller M. 2007. Barbarian — Beller M., Leerssen J. (eds.) Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey. Amsterdam; New York: Rodopi. P. 266–269.

Hasselblatt C. 2003. The Fairy Tale of Socialism: How 'Socialist' was the 'New' Literature in Soviet Estonia? // The Sovietization of the Baltic States: 1940 — 1956 / Ed. O. Mertelsmann. Tartu: KLEIO ajalookirjanduse sihtasutus. Lk. 227–236.

Jakobson A. 1949. Tulikuum päev. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst.

- Kalmus A. 1945. Öö tuli liiga vara. Vadstena: Orto.
- Kask A. 1950. Võõra risti ikke all. Vadstena: Orto.
- Kippel E. 1992. Suure nutu ajal. Tallinn: Eesti Raamat.
- Kippel E. 1996. Kui Raudpea tuli. Tallinn: Eesti Raamat.
- Krusten R. 1979. Karakterist sõjajärgses proosas. — Raamatute keskel. Tallinn: Eesti Raamat. Lk. 40—55.
- Leerssen J. T. 1987. Montesquieu's Corresponding Images: Cultural and Sexual Alterity in Pseudo-Oriental Letters // Shaffer E. S. (ed.) Comparative Criticism. Vol. 9. Cambridge: Cambridge University Press. P. 135—154.
- Leerssen J. T. 2006: National Thought in Europe. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Männik E. 1946. Südamete proov. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst.
- Männik E. 1947. Viisteist sammu. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst.
- Männik E. 1950. Võitlus kestab. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus.
- Märka V. 1998. Kala hakkas mädanema südamest. (Sotsrealistlikust realismist ENSV kirjanduses 1945—53) // Vikerkaar. No 10—11. Lk. 81—111.
- Märka V. 2004. Töö kui eesti kirjanduse püha lehm. Rahvakasvatusliku kirjanduse aastasada 1870—1970 // Vikerkaar. No 6. Lk. 58—76.
- Naarden B, Leerssen J. T. 2007. Russians. — Beller M., J. Leerssen J. T. (eds.) Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey. Amsterdam-New York: Rodopi. P. 226 —229.
- Tamm M. 2003. Monumentaalne ajalugu. Mida me mäletame Eesti ajaloost? // Vikerkaar. No 10—11. Lk. 60—68.
- Tooming O. 1950. Pruuni katku aastail. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus.
- Undusk J. 2000. Ideetud eestlased. Eesti sõjakirjandust lugedes // Vikerkaar. No 8—9. Lk. 105—115.
- Undusk J. 2003. Retooriline sund Eesti nõukogude ajalookirjanduses // Võim ja kultuur. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum. Lk. 41—68.
- Vahre L. 2001. Nõukogude aja periodiseerimisest // Muinasaja loojangust omariikluse läveni / Koost. A. Andersen. Tartu: Ajalookirjanduse Sihtasutus „Kleio“. Lk. 373—384.
- Viirlaid A. 1949. Tormiaasta. 2. kd. Vadstena: Orto.